

Наконец, после невыразимого мучения Гу Чэннань услышал звук открывающейся двери, и красный свет над операционной сменился на зелёный. Гу Чэннань поспешил навстречу.

Врач снял маску и сказал:

— Пациенту промыли желудок, раны снова зашили. Сейчас всё в порядке, скоро его переведут в обычную палату.

— Спасибо, доктор! — Гу Чэннань вздохнул с облегчением, словно камень упал с души. Он долго выдыхал, затем последовал за медсестрой, чтобы оплатить счёт, и попросил подготовить для Му Цзиньняня палату повышенного комфорта. Только после этого он почувствовал себя спокойнее.

Он сел у кровати. Му Цзиньнянь ещё не пришёл в себя, лежа с закрытыми глазами, спокойный и безмятежный. Его лицо было бледным, лишённым выражения. Гу Чэннань пристально смотрел на него. Белоснежная кожа, изящные черты лица — он напоминал спящего принца.

Гу Чэннань отчётливо чувствовал, как в его сердце что-то тихо растёт. Легкий ветерок взъерошил волосы Му Цзиньняня, и несколько прядей упали на его закрытые веки. Гу Чэннань протянул руку, чтобы убрать их.

Но как только его пальцы почти коснулись лица Му Цзиньняня, кто-то крепко схватил его за запястье. Тот, кто только что спал, уже открыл глаза и пристально смотрел на Гу Чэннаня.

— Это ты, — просто сказал Му Цзиньнянь, отпустил руку Гу Чэннаня и снова закрыл глаза, его дыхание стало ровным.

Гу Чэннань всё ещё чувствовал тепло на своём запястье. В сердце возникла лёгкая боль. Неужели даже во сне у Му Цзиньняня такая сильная защитная реакция? Что же произошло в его жизни, что он стал настолько бдительным? Это действительно вызывало жалость.

Му Цзиньнянь окончательно пришёл в себя глубокой ночью. Шторы не были задернуты, в темноте мерцали жёлтые огоньки уличных фонарей. Он пошевелился, почувствовав резкую боль в животе, и с недовольством подвинулся, ощутив, что что-то давит на край одеяла.

Он поднял голову и увидел, что Гу Чэннань полулежит на краю кровати, уснув. Му Цзиньнянь посмотрел на часы: было уже три тридцать утра. Гу Чэннань выглядел очень привлекательно во сне. Его очки без оправы лежали на тумбочке. Му Цзиньнянь разглядывал его лицо. Нельзя было отрицать, что он был очень красив — настолько, что невозможно было отвести взгляд.

— Роковой красавец, — не удержался Му Цзиньнянь, прошептал это себе под нос. Но он не ожидал, что даже этот тихий звук разбудит Гу Чэннаня.

Они смотрели друг на друга несколько секунд, прежде чем Гу Чэннань первым заговорил:

— Ты голоден? Подожди, я принесу тебе что-нибудь поесть.

Сказав это, он встал, взял куртку и вышел. Му Цзиньнянь хотел остановить его, но действительно чувствовал сильный голод, поэтому решил не мешать.

После того как Гу Чэннань ушёл, в палате воцарилась тишина. Белый свет лампы был слишком ярким. Му Цзиньнянь нащупал выключатель на тумбочке и выключил верхний свет, оставив лишь тусклый ночник, затем задумчиво уставился в окно.

Он помнил, как Гу Чэннань, беспокоясь, привёз его в больницу, и как только что, глядя в его глаза, он почувствовал что-то, словно искры в его взгляде. Или это просто показалось? Му Цзиньнянь усмехнулся. Наверное, он слишком много нафантазировал.

Гу Чэннань вернулся быстро, всего через полчаса. Он нашёл ближайший пятизвёздочный отель, договорился с персоналом и приготовил на их кухне лёгкую еду. Му Цзиньнянь чувствовал горечь во рту и долго полоскал его, прежде чем взяться за еду, которую принёс Гу Чэннань.

Нельзя было отрицать, что Гу Чэннань действительно умел готовить.

— Господин Гу, а ваша девушка знает, что вы так хорошо готовите? — Му Цзиньнянь не смог удержаться от шутки.

— Нет, — спокойно ответил Гу Чэннань.

— Что? — Му Цзиньнянь придвинулся ближе и повторил вопрос.

— У меня нет девушки, — ответил Гу Чэннань, обернувшись и вдруг осознав, насколько они близки. От Му Цзиньняня исходил лёгкий аромат вина, и Гу Чэннань почувствовал, что сам начинает пьянеть.

Расстояние между ними, которое раньше составляло всего кулак, теперь сократилось до минимума. Гу Чэннань чувствовал, как дыхание Му Цзиньняня касается его лица, тёплое и мягкое.

Казалось, он попал под чары. Гу Чэннань медленно приблизился. Губы Му Цзиньняня были ещё липкими от каши, сладкими на вкус. Гу Чэннань углубил поцелуй, не спеша, осторожно исследуя его губы, медленно проникая внутрь.

Му Цзиньнянь был в полном замешательстве. Раньше Гу Чэннань тоже целовал его, но тогда он был пьян, и тот поцелуй был гораздо грубее. Му Цзиньнянь всегда считал, что это просто пьяная выходка. Но сейчас всё было иначе. Оба были в сознании. Гу Чэннань был так близко, что Му Цзиньнянь чувствовал его тепло даже на расстоянии. Он буквально застыл, позволив Гу Чэннаню целовать себя.

Не встретив сопротивления, Гу Чэннань стал смелее. Он наклонился, прижав Му Цзиньняня к кровати, но при этом не забыл о его ране на животе. Он раздвинул его губы, провёл языком по нёбу, медленно двигаясь в его рту, затем начал танцевать языком вместе с ним. Откуда взялось это чувство одержимости? Гу Чэннань не мог остановиться.

Му Цзиньнянь лежал, чувствуя, как мощная сила давит на него. Он закрыл глаза, ощущая прикосновения Гу Чэннаня. Это было не неприятно, даже немного сладко. Этот поцелуй был настолько нежным, что Му Цзиньнянь мог отчётливо слышать своё сердцебиение, сильное и учащённое.

Губы слились, издавая странный звук. Му Цзиньнянь покраснел.

— Почему ты не сопротивляешься? — вдруг поднял голову Гу Чэннань, глядя на Му Цзиньняня с закрытыми глазами. Его голос был хриплым.

Му Цзиньнянь открыл глаза и увидел, как в глазах Гу Чэннаня пылает огонь.

— А зачем сопротивляться? — быстро ответил он.

Но сразу же пожалел об этом. Это была просто рефлекторная реакция, он не успел подумать из-за нехватки кислорода. Можно ли взять слова обратно?

Конечно, нет!

Как только Му Цзиньнянь произнёс это, Гу Чэннань снова наклонился. Теперь он встал на колени на кровати, по обе стороны от Му Цзиньняня, полностью его сковывая.

Му Цзиньнянь не успел ничего сказать, как его губы снова были захвачены.

«Черт, неужели его первый раз произойдёт на больничной кровати?!» При этой мысли Му Цзиньнянь почувствовал себя не в своей тарелке. Он был в полном смятении, но внешне ничего не показывал. Возможно, он слишком долго был один, и это одиночество сделало его уязвимым. Ему не хотелось отталкивать эту теплоту, которая так его привлекала.

Гу Чэннань же был невероятно счастлив. Если бы раньше, Му Цзиньнянь наверняка ударил бы его или хотя бы резко оттолкнул. Но сейчас он был так спокоен! Радость, только радость! Му Цзиньнянь не ненавидел его, и этого было достаточно. Если он принимает его поцелуй, значит, у него тоже есть чувства!

Горячее дыхание смешалось, температура быстро повышалась. Руки Гу Чэннаня стали более настойчивыми.

Опыт Гу Чэннаня был очевиден. Му Цзиньнянь, продолжая целоваться, чувствовал, как ему становится всё труднее дышать. Ему хотелось широко открыть рот, чтобы вдохнуть, но Гу Чэннань не собирался отпускать его. Му Цзиньнянь, не выдержав, резко оттолкнул его.

Гу Чэннань ослабил хватку, и от толчка чуть не упал с кровати. В его глазах читалось замешательство, но, увидев, как Му Цзиньнянь тяжело дышит, он почувствовал досаду.

— Ложись спать, — мягко сказал Гу Чэннань, вставая с кровати.

— Хорошо, — ответил Му Цзиньнянь, не зная, покраснел ли он от поцелуя или от смущения. К счастью, свет был тусклым, и Гу Чэннань этого не заметил.

<http://bllate.org/book/16800/1544937>